

85.17

Ш 59

В ЧЕМ ЗАКЛЮЧАЕТСЯ
ИСТИННОЕ СЧАСТЬЕ?
ОНО ЖИВЕТ В ТРУДЕ,
СЧАСТЬЕ,
КОТОРОЕ ДАЕТ
ТВОРЧЕСТВО...
ЕСТЬ САМОЕ
ВЕЛИЧАЙШЕЕ СЧАСТЬЕ
ЧЕЛОВЕКА.

Вик. Мурашов

"Мои
краски -
напевы..."

ИХ ИМЕНА
В ИСТОРИИ КРАЯ

Кр 85.14
Ш-59

К. В. ШИЛОВ

"Мои краски - напевы..."

В первый раз встретился
я с Мусатовым в Саратове...
Волжское не искоренилось
в Викторе Эльпидифоровиче...

К. С. Петров-Водкин

ЦГБ

X

97 03 V
92 9452 - / 90

БАЛАКОВСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

87

Саратов
Приволжское
книжное издательство
1979

1963
85-11
"Мои
краски -
напевы..."

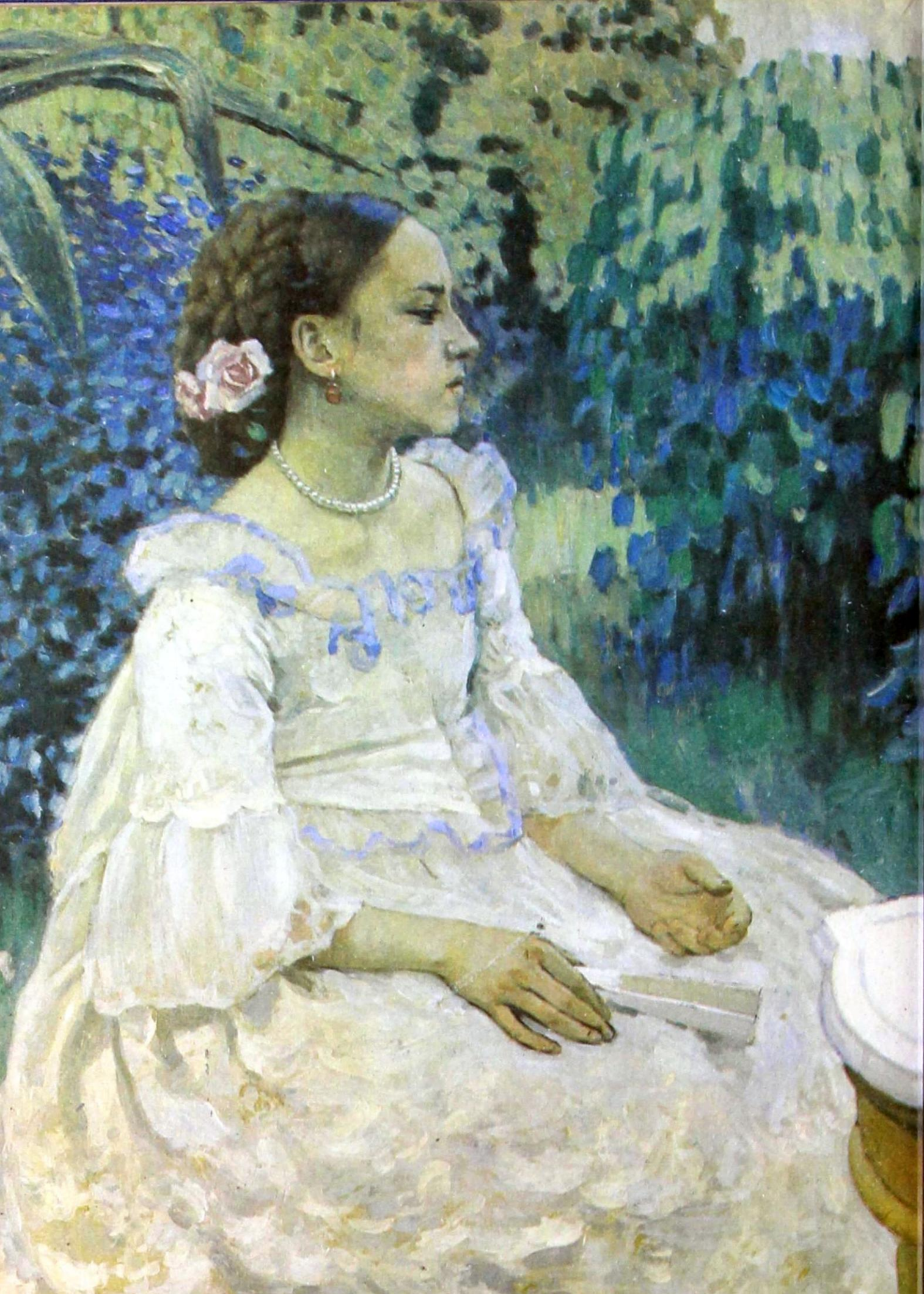

Окно. 1886. ГТГ.

Волга. 1894. ГТГ.

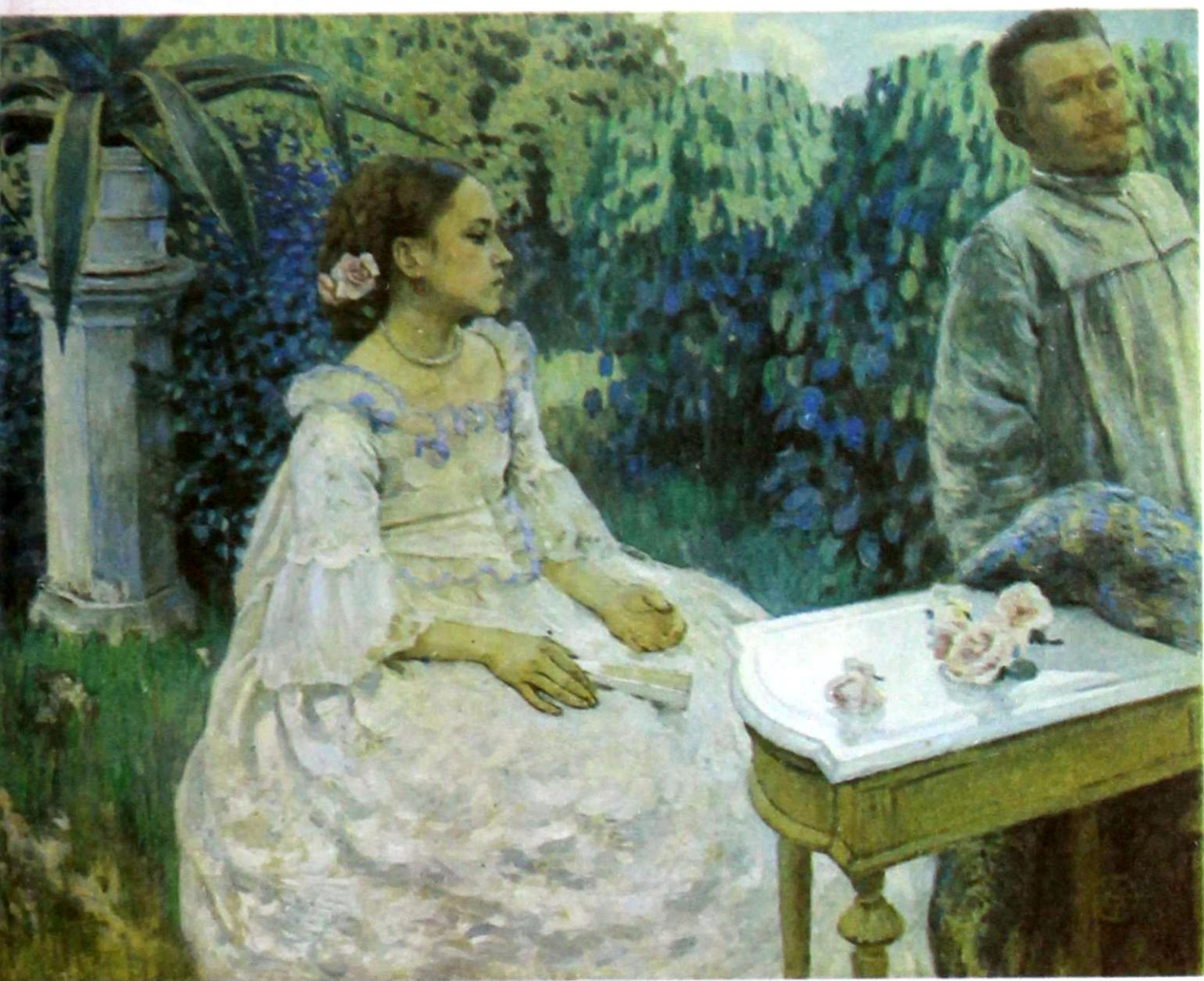

Майские цветы. 1894. ГТГ.

Автопортрет с сестрой. 1898. ГРМ (фрагмент).

Автопортрет с сестрой. 1898. ГРМ.

*Осенний мотив. 1899. Государственный
художественный музей
им. А. Н. Радищева, Саратов.*

Гобелен. 1901. ГТГ.

Призраки. 1903. ГТГ.

Встреча у колонны. 1901—1903. ГРМ.

Водоем. 1902. ГТГ.

Водоем. 1902. ГТГ (фрагмент).

Изумрудное ожерелье. 1903. ГТГ (фрагмент).

Изумрудное ожерелье. 1903. ГТГ

857
11.12

КОНСТАНТИН ШИЛОВ

"Мои краски – напевы..."

(Саратовские годы
художника
В. Э. Борисова-Мусатова)

85.143(217)
Ш59

*Памяти краеведов
Александра Владимировича
и Виктора Владимировича
Леонтьевых*

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Выпускаемая Приволжским книжным издательством в серии «Их имена в истории края» книга К. В. Шилова посвящена одному из выдающихся уроженцев Саратова, большому мастеру живописи Виктору Эльпидифоровичу Борисову-Мусатову и его связям с родной землей. С годами все яснее вырисовывается масштаб Борисова-Мусатова и его место в русской художественной культуре рубежа XIX и XX веков. Он по праву должен считаться создателем новой живописно-декоративной системы, основанной на гармонии рационального и интуитивно-го начал, и наряду с М. А. Врубелем подлинным вдохновителем и учителем крупнейших живописцев-новаторов начала нашего столетия.

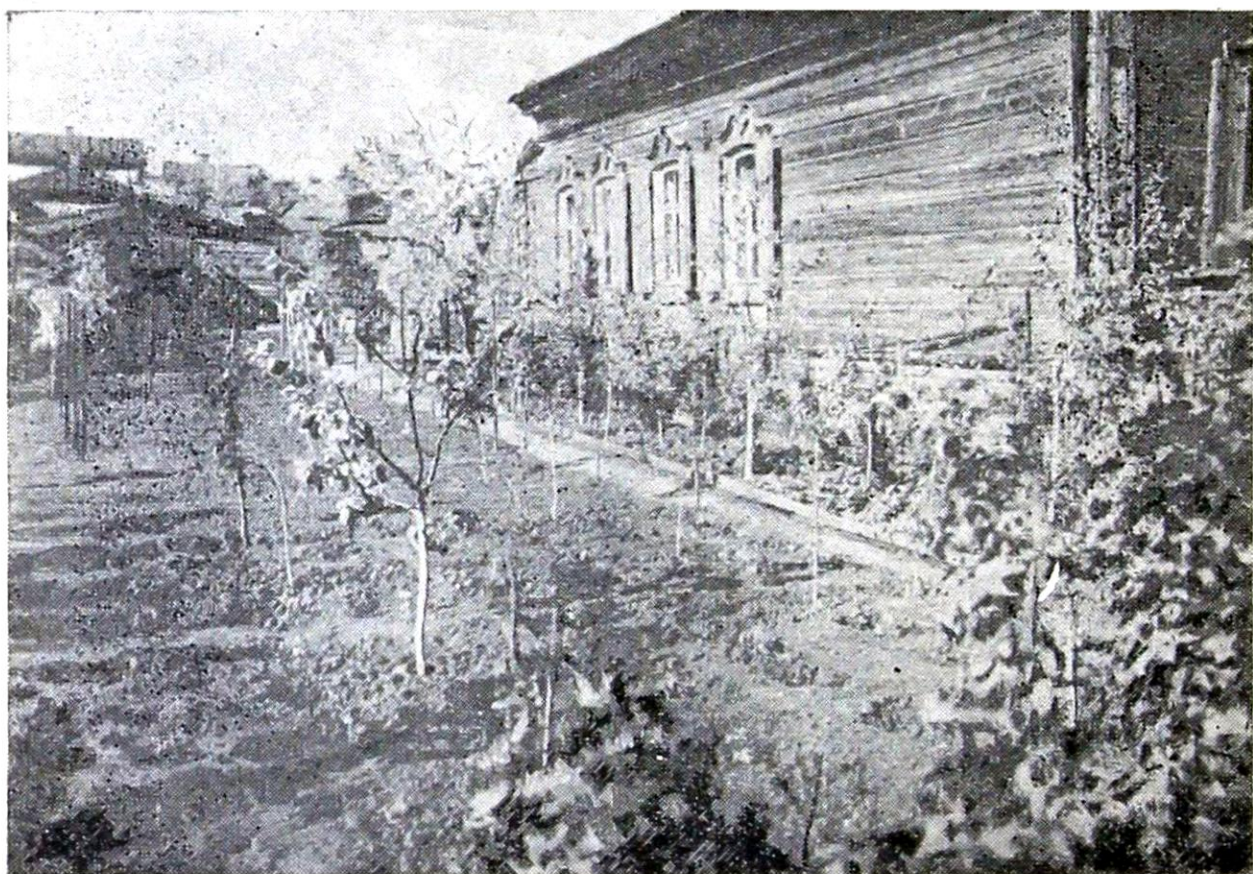
В настоящее время назрела необходимость серьезно и основательно изучить связи художника с Саратовом, с Поволжьем, рассмотреть влияние на него детских и юношеских впечатлений, его собственное чрезвычайно благотворное воздействие в зрелые годы на окружающую местную культурную среду. Эта работа в значительной мере проделана автором предлагаемой книги. Она написана талантливо, живо, увлекательно, с точным ощущением своеобразия данного литературного жанра. С ее страниц встает образ прекрасного живописца и тонкого, благородного человека, воскрешенный по документам, письмам, воспоминаниям, беседам со старожиллами Саратова, поездкам в «мусатовские» места и, конечно, по картинам художника. Естественно, что, рассказывая о Борисове-Мусатове, автор постоянно опирается на своих предшественников, однако его подход, сама форма повествования зачастую позволяют внести в прежние представления немало нового, наполняют их живым, конкретным смыслом.

Особую ценность придают книге богатые материалы, связанные с прошлым Саратова, его историей, развитием, с кругом друзей и единомышленников Борисова-Мусатова; материалы, до сих пор почти не привлекавшиеся в литературе о художнике, не говоря уже об общих трудах по русской культуре конца XIX — начала XX века.

Я уверена, что подлинный историзм подхода автора к избранной теме, его профессиональное отношение к живописи, умение сделать доступными самые сложные вещи гарантируют книге успех у читателя.

А. РУСАКОВА,
*кандидат искусствоведения,
член Союза художников СССР*

Годы
детства
и юности
(1870—1895)

*Флигель дома Мусатовых на Плац-параде.
Фото А. и В. Леонтьевых.*

*Гобелен с птицей из собрания музея имени А. Н. Радищева.
Фото А. и В. Леонтьевых.*

ОТ «ТЕТКИНОЙ
ГЛУШИ» —
К «СТОЛИЦЕ
ПОВОЛЖЬЯ»

*Город Саратов
можно почесть за один
из лучших волжских городов.
Он построен
на берегу Волги,
лицом к востоку—полудню.*

Из речи Академии наук
адъюнкта г. Лепехина в 1769 году

*...И теперь фраза
в „деревню, в глушь,
в Саратов!“
стала анахронизмом.*

Газета «Саратовский листок»,
1899 год

«Между гор и оврагов стоит ба-
тюшка-Саратов». Это старинное присловье сейчас уже непонятно саратовцам и их гостям в полной мере. Конечно, по-прежнему раскинулся город, словно в чаше, между трех зеленеющих летом гор. Но не стоит Саратов «между оврагов», и память о них исчезла даже из самих уличных названий.

Крутенький, Горелый, Мутный ключ и другие овраги не могли сравниться по глубине с Белоглинским, бывшим, как и Глебучев, до начала XIX века одной из пограничных линий города. В весеннюю полноводную пору бежала по его дну, размывая белые глинистые берега, речка — Белая Глинка. В 1870 году овраг перестал существовать, и в речевом обиходе горожан появилось название — улица Белоглинская.

Вольская, между Белоглинской и Бахметьевской, пыльная лебеда Плац-парада через дорогу, жандармские конюшни по Вольской, а вниз и вниз от дома — сверкающая синева Волги — такая «топография детства» первого большого художника, которого Саратов дал русскому искусству.

Родной город Виктора Мусатова — Саратов 1870 года. Но саратовские мальчишки играют на улицах медными монетками ордынского чекана и серебряными арабскими дирхемами, растаскиваемыми из увекской кирпичной пыли... Камнями из древних руин Увека — «мамайским кирпичом» — мостят улицы нового Саратова. Живут в языке татарские названия: Увек, или Укек, Ахмат, Бельджамен и само название желтой горы — Сары-тау, давшей имя городу. Этот же экзотический отзвук слышится и в фамилии буду-

щего художника: «мусат» по-татарски «молот» — предки Виктора по отцовской линии явно азиатского происхождения.

Повернувшись от Саратова 1870 года к его прошлому, различаешь калейдоскоп больших и малых, трагических и веселых событий. Бесконечные великие разорения, пожары и «моровые поветрия», ополченский патриотизм 1812 года, время «Людовика XIV саратовской истории», как иронически назвал губернатора Панчулидзева Чернышевский. Вполне «версальские» фейерверки и тайные разбойничьи вертепы, ночные амурные похождения губернатора и дневной губернаторский грабеж. Великую канцелярскую тоску, житье-бытье ссыльных поляков и сосланного под секретный надзор знаменитого историка Костомарова, воскресные его поездки на извозчике с самоваром в любимую Монастырскую рощу — обдумывать под птичий щебет очередную главу своего «Богдана». Молодость Чернышевского, зреющую славу «города вольных демократов», давшего Введенского и Благосветлова, Пыпина и Пасхалову и других «новых людей»...

Когда Виктору Мусатову исполнилось 15 лет, знаменитый в ту пору писатель и историк Даниил Лукич Мордовцев приехал в последний раз взглянуть на город своей юности и, узнавая, не узнавал его: «Один лишь Увек глядит на меня... теми же глазами, какими он глядел на Саратов и во времена Стеньки Разина, и в то время, когда мы с Костомаровым... искали там следы Тохтамыша... Да не тронули канцелярские мудрецы Соколовой горы, с которой когда-то Пугачев громил жалкий городишко Саратов, видевший, как улепетывал из него храбрец Державин, громивший Бошняка — подобно тому, как ныне «Саратовский листок» громит господина «Саратовского дневника»...¹

Не исключено, что Виктор Мусатов, идя по Никольской или у «Липок» мимо Александровского собора, мог встретить сутуловатого человека, пытливо глядящего сквозь толстые стекла очков. Человека этого, автора знаменитого романа «Что делать?», похоронят в родном городе, когда Виктору исполнится 19 лет. В то же время на тех же улицах появлялся маленький, совсем согбенный старичок с белым крестом в петлице сюртука — последний на земле «ветеран великой армии», бывший наполеоновский поручик Савэн. Его детство — якобинский террор, его молодость — египетский поход генерала Бонапарта и застенки испанской инквизиции, его зрелость — поход в Россию под командой маршала Нея и пленение при Березине. А далее, по щедрой иронии судьбы, 82 года жизни в Саратове. Этого выходца из XVIII века, этого уникального француза-саратовца Мусатов переживет только на десять лет!

Ко времени рождения художника и в первые два десятилетия его жизни на родине Саратов превращается в крупный торговый и

промышленный центр. Соляной откуп, винокурение, первая в России табачная фабрика. К этим прославившим город уже с начала XIX века хозяйственным отраслям с ростом капиталистических отношений добавляется крупное промышленное производство, большие заводы, мануфактуры, в частности выделка знаменитой сарпинки... Находящийся на пересечении важнейших торговых путей, издавна считающийся «воротами из Европы в Азию», Саратов все чаще горделиво именуется себя «столицей Поволжья». Поднимаются к волжским верховьям от города баржи, расшивы и другие суда. Уходит в прошлое Саратов, бывший символом деревенской «страшной глуши», постепенно исчезает известный по беллетристике образ города Желтогорска, Лысогорска, Пыльногорска и Полуазиятска...

Растет и культурный уровень саратовских «обывателей». За несколько лет до рождения Мусатова и в первые годы его детства помимо гимназии возникают специальные мужские и женские учебные заведения — Мариинский институт и реальное училище. Строится каменный театр, осушаются последние топи, озеленяются улицы, процветает книжная торговля Лятошинского, основавшего и городскую библиотеку для чтения. Создается Саратовское отделение Русского музыкального общества, выходят новые газеты, открывается последний участок Тамбовско-Саратовской железной дороги... Так или иначе почти все эти события будут связаны с судьбой молодого Мусатова. Но самой тесной окажется связь с городской художественной жизнью.

«Саратов начинает просыпаться в умственном отношении, — отмечает в это время местная печать, — он, не в пример другим российским городам, довольно определенно и резко вышел из пассивной роли... И в эту «глушь» понемножку да помаленьку прокрались новые веяния, в это «темное царство» заронились лучи света. Сначала поднял занавес театр, появились газеты, далее пооткрывались школы... еще далее — завелись мостовые, закурился асфальт тротуаров, загремела конка и — в результате — воздвигся роскошный музей и как его детище «Общество изящных искусств»².

От вождей народных мятежей до Радищева, от известных литераторов до революционеров-разночинцев — кого только не знал и кого не дал России этот город! Пожалуй, только художника, но предчувствие его неизбежного появления давно жило в душах наиболее патриотически настроенных саратовцев. Еще в 1839 году один из первых местных историков романтически-восторженно писал: «Когда солнце восходит, верхи гор позлащаются, заволжская степь яснеет, но город еще покоится в тени и покрывается туманами в виде прозрачной пелены. Заходит солнце, и последние лучи его, одни умирают на высотах гор, другие... льются златистыми полосами в заволжскую беспредельную даль. Это картины, невыразимые...

для кисти живописца...»³ Тайное пожелание, выраженное в этом описании, сбылось полвека спустя. Необычайно богатая воздушная дымка саратовских далей, саратовские впечатления вообще создали поэтический мир образов Мусатова, соткали колористическое богатство его полотен и впервые стали достоянием русского, а через него и мирового искусства.

Природа края давно ждала своего живописца. Желтый, синий, зеленый — цвет гор, Волги и садов. Той же цветовой гаммой светят «ордынские» глубины местной истории: на зеленой траве осколки желтых сосудов с гуляющими под глазурью черными павлинами и голубые изразцы — остатки известных по описаниям «муравленых плит поднебесного цвета»...

Сизо-синий оттенок зелени (цвет крыла птицы сизоворонки), иволга — флейта ныряющая, резная плотная листва дубов, тяжелые головы подсолнухов, плеск реки, названия: Парусиновая роща, Зеленый остров, Соколова гора... Все это вместе — первые «впечатленья бытия», сроднившие целую плеяду художников-саратовцев начала века: Павла Кузнецова и П. Уткина, А. Матвеева и К. С. Петрова-Водкина. Каждый из них вышел на свою дорогу в искусстве, стал прославленным мастером. Но для каждого Мусатов остался на всю жизнь человеком, впервые и щедро раскрывшим тайны ремесла живописца и красоту родной земли. Для нас они — «плеяда», «школа», «направление»... Друг для друга они прежде всего земляки-современники.

**«МУЗЫКАЛЬНАЯ
ТОСКА
ПО ПАЛИТРЕ»**

*Отзывчива на все хорошее
впечатлительная душа
художника...
Моя судьба уже решена.*

Борисов-Мусатов.
Из ранних писем

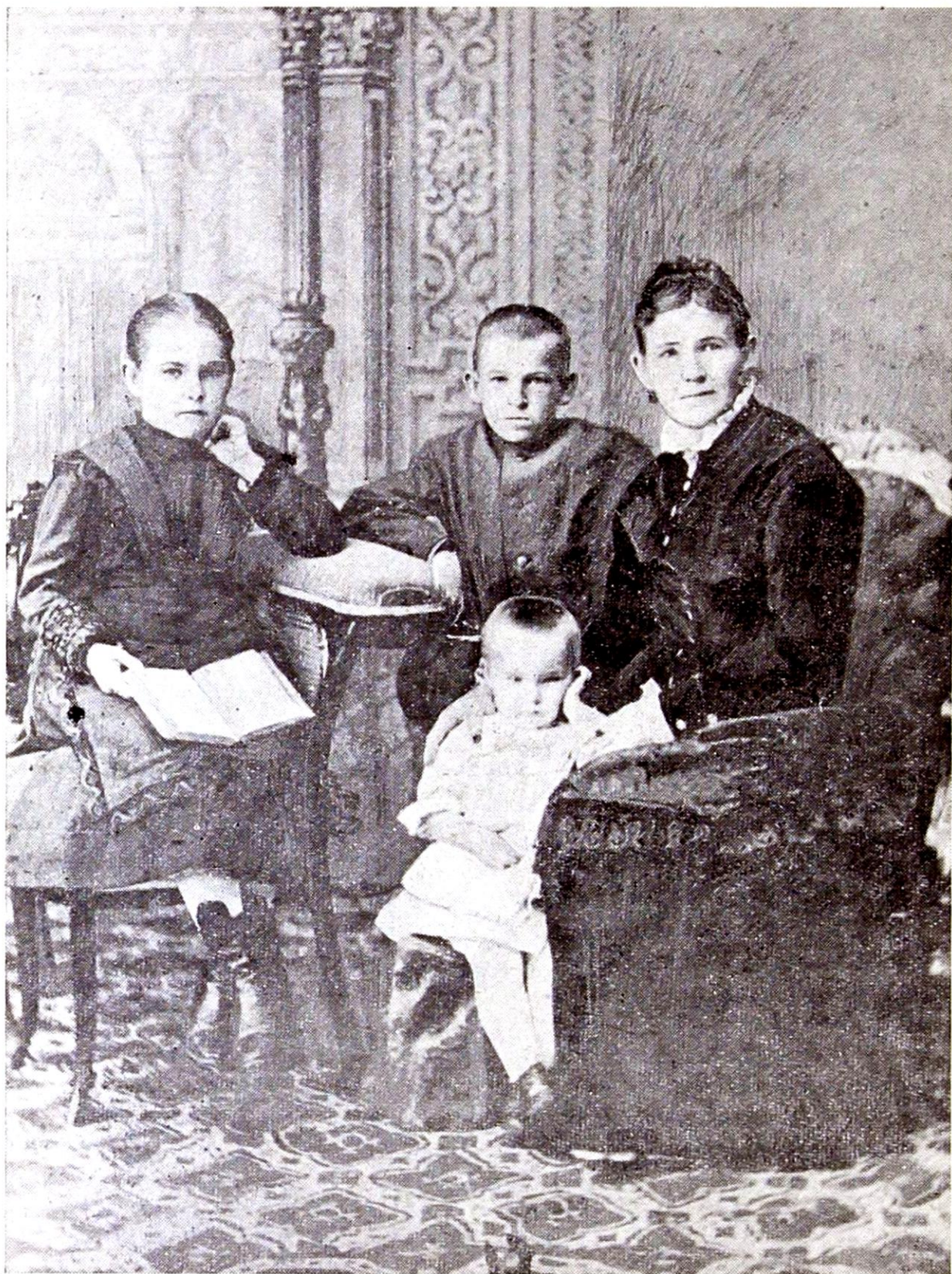
кно распахнуто, темная глубина комнат зовет приблизиться к подоконнику. Но подойти непрос-то: между нами и окном — целые заросли вьющихся побегов, множество белых, розовых и темно-алых цветов. Эта буйно разросшаяся зелень закрывает стену плотным узорчатым ковром... И хотя «Окно» — первая дошедшая до нас живописная работа шестнадцатилетнего юноши не предвещает будущего мастера, будем благодарны и тому, что она впервые вводит нас в уютный саратовский дворик по улице Вольской. Вводит в мир мусатовского детства. Каждый цветок, каждый дробный узор зелени выявлены так четко, их формы прослежены так внимательно, как видится только пытливому детскому взору. В неторопливой этой старательности — много от увлечений маленького «садовода», как прозвали мальчика Мусатова его близкие. «Он и рисовал, точно рукодельничал», — скажет позднее о Мусатове исследователь. Пристрастия эти — от матери. Дочь переплетчика и золотопечатника из Смоленской губернии, женщина малограмотная, Евдокия Гавриловна помимо любви к домашнему художеству и садоводству передала сыну свою душевную энергию и жизнестойкость. Отец же, Эльпидифор Борисович (по старой «писарской» форме Борисов, откуда и пошла двойная фамилия его сына-художника), родился в семье крепостного крестьянина. Еще до отмены крепостного права побывав со своим баринном в Париже, он приписался позднее к мещанам города Кузнецка, переселился в Саратов, где сам одолел грамоту и поступил на службу бухгалтером в управление Саратовско-Тамбовской железной дороги. Дорогу открыли в год рождения его долгожданного первенца. А спустя

еще некоторое время Эльпидифор Борисович купил одноэтажный домик на Плац-параде.

Когда с трехлетним мальчиком произошло несчастье (после падения во время игры во дворе развилась тяжелая болезнь позвоночника), отец сделал все что мог для излечения ребенка, не раз возил его к столичным специалистам... Фотография, с которой глядит приятное лицо человека средних лет, с большим, открытым лбом, светлыми спокойными глазами; ряд карандашных зарисовок, сделанных его сыном, и последний среди них — рисунок склонившегося над письмом изможденного болезнью старика; простодушно-искренний тон большого благодарного письма лечившим, но так и не вылечившим Виктора врачам — в одном из номеров «Саратовского листка» за 1876 год — доносят до нас образ отца художника... Атмосфера доверительной близости, созданная в семье родителями, выработает у Мусатова потребность в искренности и простоте общения с людьми, определит упорные поиски «близкой души», преданность сердечным привязанностям, верность дружбе...

Окно приветливо распахнуто, чисто вымытые стекла отражают темную листву высокого тополя. Лиловый свет сумерек густеет, лампа еще не зажжена... И кажется, что в глубине комнаты появится сейчас бледное мальчишеское лицо с «милыми, кроткими, внимательными и зоркими глазами»...⁴ Воспоминания друга мусатовского детства А. Федорова и сохранившиеся фотографии воссоздают образ маленького Мусатова. На одной из таких фотографий он рядом с креслом, в котором сидит его сестра Груня (младшая, Лена, еще не родилась). Мальчику лет пять, он стоит, слегка склонив набок светловолосую голову. И в том, каким резвым и решительным жестом схватился он за широкий ремень, и в лукавом прищуре глаз — во всем уже видишь ту энергию и предприимчивость, какие делали позже Мусатова центром всех дружеских группировок, застрельщиком и организатором разных передовых начинаний. Уже позднее, припоминая эти фотографии, отчетливее понимаешь, почему сверстники мальчика, сдружившись с ним, переставали замечать физический недостаток, с каким принято было связывать формирование его мечтательного и «замкнутого» характера... Замкнутость эту явно преувеличивали, отождествляя с ней рано возникшую внутреннюю подтянутость, тягу к самодисциплине. С детских лет, не позволяя никому, и прежде всего самому себе, никаких «скидок» на постигшее его несчастье, Мусатов умел радоваться окружающей его жизни. Зимой и летом он был неутомим в придумывании различных игр...

На шестом году Витя начал рисовать карандашом и акварелью, а в девять он дарит отцу свою первую «картину» с изображением паровозов, и Эльпидифор Борисович вешает ее над своей постелью...

*Евдокия Гавриловна Мусатова с детьми: Виктором, Агриппиной и Еленой.
Фото 1882—1884 гг.*

Мальчик подрастал, и пришла пора задуматься над его образованием. В 1881 году Виктора отдали во второй класс популярного в Саратове мужского специального учебного заведения «широкого профиля», наиболее демократичного по составу учащихся, в 1-е городское Александровско-Марининское реальное училище.

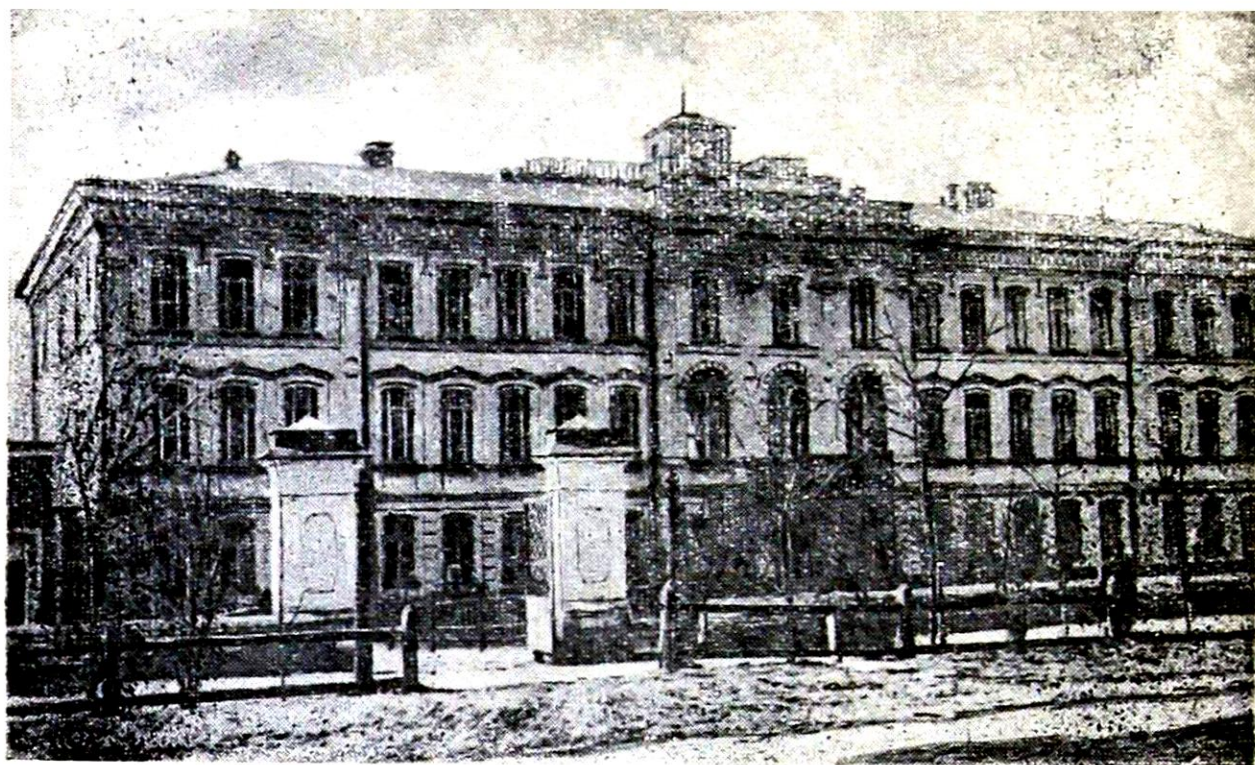
«Помню, как он в первый раз пришел в класс... — годы спустя вспоминал о Мусатове его товарищ по учебе, — и все сразу обратили внимание на эту крошечную фигурку, со слабо, несколько назад посаженной, стриженной головой... Вероятно, он смутился, потому что присел где-то на свободном месте, на одной из задних парт. Но директор позвал его к себе, ласково положил ему руку на голову и сказал: «Ты меньше всех, так садись поближе, а то не увидишь ничего». Эти слова старика директора были поняты всеми как призыв к бережному обращению с новичком. И действительно, не было случая, «чтобы когда-нибудь он был обижен»⁵.

Накануне поступления Виктора Мусатова в реальное училище в его актовом зале служат заупокойные панихиды: в Петербурге убит бомбой «помазанник божий»!

Виктору и его соученикам по 10—11 лет, но перепуганное начальство изо всех сил старается в соответствии с указаниями конфиденциальных циркуляров «облегчить юношеству приобретение высших познаний и охранить его занятия от посягательства на спокойное их течение...»⁶ Не испытывая пока никакого «наружного пагубного воздействия», одноклассники Виктора все же изрядно страдают в карцерах, попадают в строгие кондуитные записи. Мусатов среди шалунов не значитя, но общие и экзаменационные ведомости, протоколы заседаний педагогического совета свидетельствуют о хронической запущенности учебы Виктора, о нескольких переэкзаменовках и дважды — об оставлении на второй год в том же классе⁷. Главной причиной этого была болезнь, обострения которой вызывали слишком много пропусков занятий.

Один только Федор Андреевич Васильев, преподаватель рисования, выделял Виктора из числа одноклассников. И было за что. «Помню, как весь класс был поражен его рисунком, — вспоминает А. Федоров. — Комната с мебелью была нарисована так ловко, что учитель пришел в восторг и, кажется, даже взял у Мусатова этот рисунок себе на память... Карты являлись целыми картинами в его исполнении. Море около берегов обводилось необыкновенно живописно синей краской, горы растушевывались с удивительной тщательностью, реки и озера также определялись как нельзя лучше...»⁸

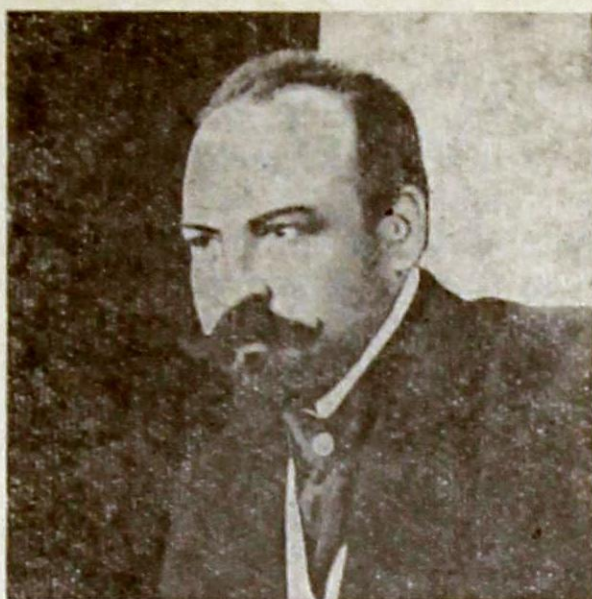
Уроки Ф. А. Васильева не могли дать сколько-нибудь глубоких представлений об искусстве. На первом месте были совершенно устаревшие понятия о правильности и тщательности рисунка. Всем этим и «блистал» ученик Мусатов. За это Васильев ставил его в об-

Здание 1-го реального училища.

разец, а самому Мусатову говорил: «Вот кончишь шесть классов — пойдешь в Академию...» «Художник он был, конечно, старого толка, — характеризовал Васильева Федоров, — вряд ли имел какой-нибудь диплом». Формуляр первого мусатовского учителя рисования вносит в эти предположения поправку: по окончании курса в Саранском уездном училище и по представлении рисунков в Академию художеств Ф. А. Васильев получил звание учителя рисования в гимназиях⁹. В маленьком Викторе Мусатове Васильев сумел пробудить мечту об особом, творческом жизненном пути... При этом не следует думать, что на уроках рисования Мусатов был «круглым отличником» (программные требования и оценки были довольно жестки). Но его успехи становятся все более очевидны, и в третьем классе все средние оценки по рисованию превышают «четверку», на экзамене же ставят «пять». Но это происходит уже в тот год, который для реалиста Мусатова стал особенно знаменательным: на место бывшего директора училища, почтенного старика П. В. Мерцалова, приходит энергичный и инициативный П. А. Герман. Осенью 1882 года в реальном училище появляется приглашенный им новый учитель рисования, молодой выпускник Академии Василий Васильевич Коновалов. И если Васильев остался в памяти Мусатова первым учителем рисования, то Коновалов становится первым наставником в главном деле жизни.

«...Хочется, чтобы саратовцы воздали должное его памяти — лучшего преподавателя рисования и живописи у нас не было и нет» — такими словами отозвалась саратовская печать на долетевшее в 1908 году до города на Волге сообщение о кончине в Екатеринбурге человека, так много сделавшего и для Мусатова, и для других выдающихся художников-саратовцев¹⁰. Коноваловские полотна — произведения «среднего жанриста», с очень мрачными сюжетами, навеянными темой смерти, современная критика высмеивала. Историки искусства пренебрежительно зачисляли Коновалова в эпигоны позднего передвижничества. Но сам Коновалов был личностью незаурядной, честным тружеником, безраздельно преданным искусству.

В. В. Коновалов.

Для Саратова, не знавшего, кроме ремесленников средней руки, ни одного настоящего художника, молодой петербуржец Коновалов был совершенно новым и поражающим воображение типом человека. «Нужно ли описывать тот трепет, с которым я смотрел на Василия Васильевича Коновалова, — пишет в книге своих воспоминаний известный советский график В. А. Милашевский. — Образ самого Василия Васильевича стоит у меня перед глазами до сих пор. Давно пора вспомнить об этом художнике. Ведь художнику жить в провинции в те времена, пребывать в полном духовном одиночестве — и писать картины, а не превратиться в пьяницу и картежника, в «учителя рисования» рассказов Чехова, — это значило быть настоящим героем, а о героях надо писать»¹¹. Замечательно подмечен в этих словах первый пример большой нравственной силы, какой так повлиял на Мусатова!

«Это был плотный брюнет с горящими испанскими глазами, — такой колоритный портрет Коновалова запомнился Милашевскому. — Пышные усы, у концов рта поднимающиеся кверху, под нижней губой эспаньолка. Он походил на Веласкеза!.. Веласкез в форме российского министерства народного просвещения!»

Если при Васильеве реалист Мусатов рисовал на уроках геометрические фигуры «с проволочных моделей», геометрические тела и их комбинации — наизусть», то в третьем и четвертом классах он переходит под руководством Коновалова к программным рисункам с натуры «моделей частей лица и масок в одних контурах», а

затем и «гипсовых моделей с тушевкою, орнаментов, частей лица и тела и целых масок»¹². И тут-то он слышит совершенно невозможные в устах Васильева слова о том, что рисовать надо «хотя бы и неточно, но художественно»... Результаты такой педагогической установки не заставили себя ждать, и Василий Васильевич начинает с интересом присматриваться к талантливому мальчику. Ему разрешается рисовать на особой александрийской бумаге, самому выбирать место перед гипсом.

Отсутствие педантичной опеки делает для Виктора коноваловские уроки самыми радостными. С другой стороны, сам преподаватель все больше убеждается, что бесконечные отставания в учебе, слабое здоровье и растущая любовь к искусству вынуждают Мусатова сделать жизненный выбор не откладывая... К тому же родителям не так-то просто оплачивать учебу сына, и в списках учеников, временно исключаемых за невнесение платы, фамилия Мусатова появляется уже дважды... И все-таки большой человеческой заслугой Евдокии Гавриловны и Эльпидифора Борисовича следует считать их решение взять Виктора из училища, пойти на невиданный в провинции риск: предоставить сыну свободно развивать дарование. Происходит это осенью 1884 года. На пятнадцатом году жизни будущее Виктора Мусатова определено.

* * *

Почти 20 лет спустя, сидя в уединении своего саратовского сада, художник Мусатов попытается выразить в белых стихах состояние приближающегося вдохновения: «Тоска меня мучит, музыкальная тоска по палитре, быть может...» Где и как произошло это с ним впервые?

Конечно, первыми по времени и самыми важными были впечатления от волжской природы. Еще реалистом Мусатов вместе с товарищами часто бывал на ботанических экскурсиях. Курдюм, Увек полюбились во время пароходных прогулок. Но особенной любовью Виктора, как, впрочем, и всех саратовских мальчишек, пользовался Зеленый остров. Расположенный чуть выше города, именуемый еще по старинке Беклемишевым (по имени саратовского воеводы, которому он был подарен во владение Петром I во время посещения царем Саратова), Зеленый остров для жаждавших романтики подростков был поистине «обетованной землей»...

«И любили же мы этот остров! Кажется, не будь его, в нашей юношеской жизни осталось бы пустое место. Это был светлый, радостный оазис наших, в сущности, тяжелых, однообразных и скудных дней школьного периода»¹³ — так спустя многие годы мусатовский товарищ по училищу А. М. Федоров припоминал детские восторги, связанные с Зеленым островом.

В прогулках реалистов Мусатов не отставал от других, особенно сдружившись с очень резвым и далеко не самым примерным учеником Александром Захаровым. «Сам он, — вспоминает Мусатова Федоров, — несмотря на бремя, возложенное на его детские плечи, был великолепный товарищ, всегда отзывчивый и даже, насколько я помню, веселый, что придавало особенную трогательность его маленькой фигурке»¹⁴. Но позднее Виктор предпочитал добираться до острова в одиночку. «Он был для меня чуть ли не «таинственный остров», — рассказывает в своем дневнике Мусатов, — я знал только один его ближайший берег. Он был пустынен, и я любил его за это. Там никто не мешал мне делать первые робкие опыты с палитрой...»

Может быть, здесь-то и были заложены основы будущей мусатовской декоративной системы с ее излюбленными отношениями синего, зеленого и белого тонов. Недаром товарищ детских игр художника писал о колорите его известных полотен: «Глядя на это синее молодое небо среди белых облаков, которые любил изображать Мусатов, мне вспоминается разлив Волги, Зеленый остров с долинами в лесу, белыми от ландышей, как будто облака упали с неба в траву и притаились там...»¹⁵.

Но, говоря о возникновении у Мусатова непреодолимой «музыкальной» тяги к живописи, надо учесть и ряд других исключительно саратовских «слагаемых». Как справедливо отмечалось еще в первой советской монографии о художнике, «столь сложная и значимая человеческая личность... появилась не в результате «слепой случайности»¹⁶.

Через год после ухода Виктора Мусатова из реального училища, июльским днем 1885 года, толпы саратовцев потянулись на Театральную площадь. Со стороны Никольской двигалась торжественная процессия, возглавляемая духовенством с хоругвями... В прекрасном двухэтажном здании, выстроенном на средства города по проекту петербургского архитектора академика И. В. Штрома, открывался художественный музей.

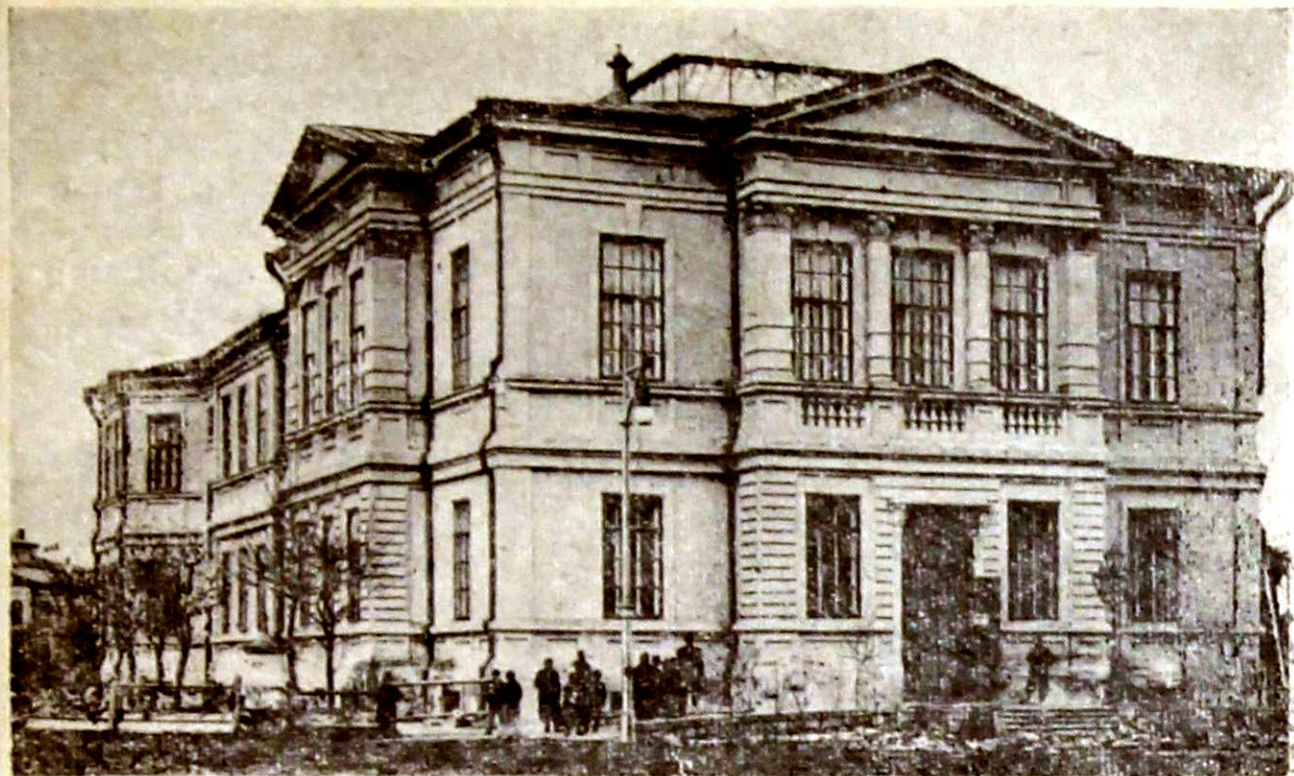
В большом верхнем зале нового здания выдающийся русский маринист профессор Академии художеств Алексей Петрович Боголюбов, приехавший из Парижа, до слез тронутый речами и поцелуями саратовцев, словно забыл все разочарования и осложнения, сопровождавшие длительную борьбу за открытие музея имени его великого и многострадального деда — Александра Николаевича Радищева.

«Глубокоуважаемые граждане города Саратова! — записывали в протокол за седовласым радищевским внуком. — Вы поняли мою мысль, вы дали средства завершить ее... Дело мое и ваше составляет наше общее дело»¹⁷.

Далеко не «слепая случайность» сделала родной город Виктора Мусатова первым провинциальным городом России, получившим свой художественный музей. На Волге осуществилась давняя боголюбовская мечта — мечта большого художника-патриота, выношенная и окрепшая в его парижском доме на бульваре Батиньоль. Здесь, где собирались члены комитета Общества русских художников во Франции, сами понятия «Саратов» и «Радищевский музей» давно связывались воедино в разговорах В. Д. Поленова, И. Е. Репина, М. М. Антокольского, И. С. Тургенева, Полины Виардо... Передовые круги общества вступились за проведение идеи в жизнь. Ходатайствует и даже пишет официальную бумагу Тургенев. Репин в письме В. В. Стасову, вдохновленный боголюбовским делом, утверждает: «Поддержать и развить искусство может только одно: народные музеи... Пока их не будет, не будет и настоящего искусства». И очень скоро первый народный музей, открытый в Саратове, когда еще не существовала прославленная Третьяковка, когда до открытия нынешнего Русского музея оставалось целых 13 лет, вполне подтвердил справедливость репинской мысли.

Уже в первые годы существования музея здесь можно было видеть полотна русских художников-академистов и передвижников: Брюллова и Айвазовского, Бронникова и Зеленского, Харламова и Журавлева, Репина и Поленова... Свыше 200 своих произведений подарил музею его основатель А. П. Боголюбов. Из его собрания и собрания Эрмитажа были и лучшие полотна западных мастеров: Буше, Мурильо, Воувермана, Тенирса... Весь цвет современной европейской живописной культуры вдруг оказался перенесенным в промышленно-торговый волжский город: немецкие пейзажисты — мастера «дюссельдорфской школы» Людвиг Кнаус, Андреас и Освальд Ахенбахи, французы — «барбизонцы» Констан Тройон, Шарль Добиньи... Тонкий и поэтичный Коро, никому еще в России неизвестный Монтичелли...

По-настоящему все это Мусатов оценит позднее. Нам же не приходится сомневаться в силе его мальчишеских впечатлений от знакомства с музеем. Недаром в радостный день открытия музея Боголюбов говорил о необходимости решить и вторую часть задачи — основать при музее рисовальную школу, «дабы прекрасное целое послужило на пользу нашей дорогой родины!». Все свое имущество, денежный капитал, оставшуюся часть прекрасной коллекции завещал Боголюбов музею и будущему училищу. До последнего дня собирался он вновь приехать из Франции в город на Волге, почетным гражданином которого был избран. Но до открытия училища при Радищевском музее ему не суждено было дожить трех месяцев. Боголюбовское рисовальное училище открылось только в феврале 1897 года. Еще до ухода Мусатова из реального училища усилиями

Радищевский музей в Саратове.

Коновалова возник рисовальный кружок, собиравшийся на квартире Василия Васильевича в доме Головина по Малой Сергиевской улице. Сюда-то и привел Коновалов пятнадцатилетнего Виктора, представив его другим членам своего домашнего «клуба». Один из них, В. И. Альбицкий, припоминал, что новопривывшего отрекомендовали как автора превосходного рисунка с маски Лаокоона.

Коноваловский клуб в Саратове шутливо именовали «Капернаумом». Мусатов бывал здесь чуть ли не ежедневно, но в общих разговорах об искусстве, о роли его в обществе участия не принимал, жадно вслушиваясь в споры. Здесь же бывал и другой молодой саратовец Федор Корнеев, впоследствии известный в городе художник. По вечерам в «Капернауме» рисовали с гипсов, по праздникам и воскресным дням, как правило, писали красками. Коновалов старался вести занятия всерьез, почти по программам Академии художеств. Во всех его принципах и установках были сильны отголоски самой передовой и глубокой по тем временам чистяковской системы. Да и имя самого Чистякова, по определению Стасова, «всеобщего педагога русских художников», воспитавшего Репина, Врубеля, Серова, было впервые услышано Мусатовым от того же Коновалова... Ставший «всеобщим педагогом» саратовской плеяды, Василий Васильевич, по рассказу Павла Кузнецова, «стремился и

воспитанию в своих учениках чувства формы предмета, понимания формы как целого... умения строить предмет в пространстве, чувствовать формат листа...»¹⁸.

Местный художественный критик отмечал: «С Коноваловым пришло что-то особое: другая манера смотреть на рисунок и, главное, другое отношение к самому рисованию. Непобедимое, казалось, равнодушие к этому искусству стало сменяться интересом. Была в нем искра божья любви к своему делу...»¹⁹. «Эта художественная среда, — утверждал в 1920-е годы И. Евдокимов, имея в виду коноваловский «клуб», — имела, несомненно, решающее значение для дальнейшего направления ученических годов Мусатова». Будучи еще и библиотекарем реального училища, Коновалов подбирал для молодых друзей литературу по истории и теории искусства. В бумагах и тетрадках молодого Мусатова наряду с тщательными записями по технологии живописи встречаем довольно солидный перечень проштудированных им трудов.

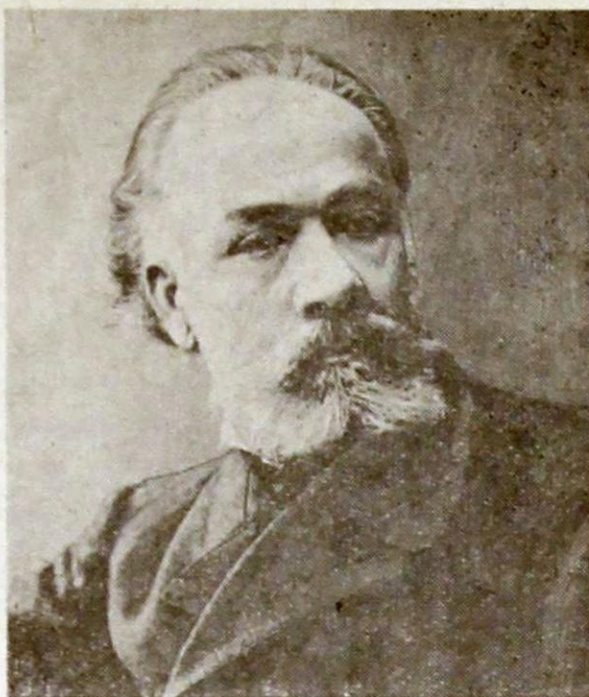
В марте 1889 года в зале Саратовских музыкальных классов вновь собрались представители общественности: было созвано первое общее собрание членов-учредителей Саратовского общества любителей изящных искусств. В совет старейшин Общества тогда же был избран художник В. В. Коновалов, значившийся по отделу живописи вместе с А. П. Шеве. А в длинном списке «действительных членов общества», помещенном в отчете о первом годе его деятельности, наряду с именами Федора Андреевича Васильева и Василия Васильевича Коновалова стоит уже и имя их ученика Виктора Эльпидифоровича Мусатова... Теперь домашний коноваловский кружок получил права «гражданства» в качестве студии при Обществе любителей изящных искусств. Студия была открыта 29 ноября 1889 года в помещении Общества, в центре города, «близ многоколонного собора, построенного самим Стасовым»²¹.

Справедливости ради следует назвать и второго мусатовского наставника по живописной студии — художника Баракки. Гектор Павлович, или, точнее, Эттори Сальвини-Баракки, — уроженец Северной Италии, художественное образование получил в Миланской Академии художеств. В Саратове он появился в 1873 году, когда Мусатову исполнилось только три года. «Обаятельным, полным энергии человеком внушительной наружности, с рыжеватой гривой волос, с горящими глазами», — вспоминал Баракки Кузнецов²². С сохранившихся же фотографий глядит задумчивое и даже строгое лицо пожилого человека с уже изрядно поседевшей головой. Таким стал некогда юный итальянец — искатель жизненной удачи. Надо думать, что в Саратове он все-таки «нашел себя»: здесь он явился одним из учредителей Общества любителей изящных искусств, пользовался большим уважением как художник, был любим как препо-

даватель. Прожив в Саратове 42 года, Гектор Павлович здесь и скончался в 1915 году...

* * *

Что же рисует, на чем сосредоточивает свое внимание занимающийся в коноваловском «клубе» и в студии при Обществе Виктор Мусатов? Подобно тому как все впечатления и мысли он привык фиксировать в своих детских дневниках (как заметил его друг А. Лушников, «эта привычка отчитываться перед собою тренировала волю и характер») ²³, Мусатов создает нечто вроде графического дневника, позволяющего

Г. П. Баракки.

тренировать наблюдательность. Так заполняется большой альбом натуральных зарисовок, где в различных композиционных вариантах повторяются сцены учения, семейных буден, портретные изображения отца, узнаются облики сестер Мусатова... Эти еще неумелые рисунки, переносащие нас в окружавшую юношу бедноватую мещанскую среду старого Саратова, прежде всего вызывают чисто биографический интерес. Так, в карандашном наброске 1888 года Мусатов нарисовал себя с товарищем. Идущие рядом фигурки изображены со спины, в руке мусатовского спутника помимо альбома узелок с едой, а бодро вышагивающий Мусатов несет этюдник. Его спина со следами неизлечимого недуга задрапирована плащом, перекинутым через плечо...

Сильнейшее впечатление произвели в эту пору на Виктора Мусатова две выставки передвижников. Полотна Репина, Ге и Поленова соседствовали на них с работами молодых мастеров — Левитана, Нестерова, Архипова, обновлявших выразительные средства живописи, заново открывших богатейшую роль цвета. В это время не случайно содержание некоторых жанровых рисунков Мусатова социально заостряется. Так, возможно, в наброске «Лошадь пала» и других как-то отразились впечатления от увиденных на выставке передвижников картин С. В. Иванова «Обратные переселенцы», «В дороге. Смерть переселенца»...²⁴ Можно добавить, что установка на сюжетную «литературность», остроактуальное осмысление темы поддерживались «передвижнической» ориентацией Коно-

валова, всей обычной практикой занятий в студии. Мусатов занимался в ней после открытия Общества любителей изящных искусств недолго, всего около года. Среди набросков, сделанных им в это время, исследователи называют и такие: «Чаепитие», «Урок портнихи», «Просительница»... Из отчета о работе Общества видно, что уже за первые четыре месяца существования студии было устроено 34 рисовальных вечера, где членам студии были предложены темы для эскизов: «Урок», «Просительница», «По дороге в город». В отчете сообщается, что «некоторыми из членов на означенные темы и были исполнены эскизы»²⁵. Как видим, часть мусатовских рисунков этой поры попросту «задана» на занятиях студийцев.

Несомненно, к тому моменту, когда Виктор Мусатов на двадцатом году жизни уезжал в Москву, его творческий багаж наряду с академическими рисунками и альбомными жанровыми набросками включал и определенное число живописных работ, скорее всего пейзажных этюдов. Все они до нас не дошли, кроме одного небольшого пейзажа 1888—1891 годов, хранящегося в Радищевском музее Саратова. Но о том, что у Мусатова уже были в живописи успехи, говорит такой факт: через несколько месяцев после его приезда в Москву с ученической выставки был куплен один из привезенных им с родины этюдов «Плотина в Хмелевке». Местонахождение его сейчас неизвестно. Хмелевка — саратовская усадьба Шахматовых, крепостными которых были предки художника. Здесь, в Хмелевке, где дед Мусатова, сумевший обеспечить себе известную независимость, владел мельницей, Мусатов бывал в детстве и любил гостить позднее.

Летом 1890 года началась для Мусатова пора поисков и странствий. Впервые покидал он Саратов. Впервые расставался с родной Волгой. В домике на Плац-параде остаются мать, отец, сестры — столько родных глаз с надеждой и ободрением смотрят вслед. Придет время, и неожиданно для Виктора этот дом опустеет. Но сам он еще не однажды вернется сюда...

Раскрыто окно... Цепкие стебли, неживая, черная в сумеречном свете листва... В этом мальчишеском пейзаже нет еще мусатовской солнечности, ясной синевы неба... Но окно распахнуто, окно его мира уже раскрыто навстречу солнцу.

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия	3	ГОДЫ РАСЦВЕТА (1901—1903)	
ГОДЫ ДЕТСТВА И ЮНОСТИ (1870—1895)		В старой Зубриловке	74
От «теткиной глуши» — к «сто- лице Поволжья»	6	Гармония	95
«Музыкальная тоска по палит- ре»	10	Горечь прощания	120
Единственный натурщик—солн- це	23	«МЕЧТЫ МОИ ВСЕГДА ВПЕ- РЕДИ...»	
ГОДЫ ИСКАНИИ (1895—1901)		Примечания	143
Пляс Пигаль и Плац-парад	36	Памятные места, связанные с именем В. Э. Борисова-Мусатова, на земле саратовской	148
Предчувствие гармонии	47		

Шилов Константин Владимирович

«МОИ КРАСКИ — НАПЕВЫ...»

(саратовские годы художника
В. Э. Борисова-Мусатова)

Редактор *С. Катков*

Художник *А. Бобров*

Художественный редактор *В. Иванов*

Технический редактор *Л. Андропова*

Корректор *И. Дудуева*

ИБ № 510.

Сдано в набор 16.2.1979 г. Подписано в печать 16.8.1979 г. НГ30518. Формат 60×84^{1/16}. Бумага типографская № 2. Литературная гарнитура. Печать высокая. Усл. печ. л. 8,835+0,93 л. вклейки. Уч.-изд. л. 8,89+0,677 л. вклейки. Тираж 10000. Заказ 309. Цена 50 коп.

Приволжское книжное издательство. Саратов, пл. Революции, 15.

Производственное объединение «Полиграфист» Управления издательств, полиграфии и книжной торговли Саратовского облсполкома. Саратов, пр. Кирова, 27.

Шилов К.

Ш59 «Мои краски — напевы...»: (саратовские годы художника В. Э. Борисова-Мусатова). — Саратов: Приволж. кн. изд-во, 1979. — 150 с., ил.

В книге рассказывается о жизни в Саратове одного из самых поэтичных и своеобразных живописцев начала XX века В. Э. Борисова-Мусатова. Автор, изучив архивные источники и большой литературный материал, прослеживает, как исторический и природный колорит саратовского края нашел отражение в произведениях художника.

20904

77-79

85.143(2)7
75C2

Автор благодарит сотрудников архивов Москвы и Ленинграда (Центрального Государственного архива литературы и искусства, отделов рукописей Государственной Третьяковской галереи, Государственного Русского музея), Государственного архива Саратовской области, Саратовского областного музея краеведения за помощь, оказанную в работе. Автор особо благодарен кандидату искусствоведения А. А. Русаковой, а также всем людям, имена которых названы в этой книге.

50к